

В НАЧАЛЕ – МУРАВЕЙ

ПОЭТЫ ЛИТВЫ В ПЕРЕВОДАХ ГЕОРГИЯ ЕФРЕМОВА

Коллектив авторов
В начале – муравей.
Поэты Литвы в переводах
Георгия Ефремова

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55341246

В начале – муравей. Поэты Литвы в переводах Георгия Ефремова:

ПРОБЕЛ-2000; Москва; 2012

ISBN 978-5-98604-289-3

Аннотация

«Эта книжка придумана Юозасом Будрайтисом в 1999 году. С той поры она отлёживалась поначалу у меня в голове, потом – в ящике письменного стола, потом – в электронной папке компьютера. Немота в каком-то смысле шла ей на пользу – знаки и звуки выверялись и заменялись менее блёклыми, структура делалась жёстче. В какой-то момент возникла идея снабдить все тексты литовскими оригиналами – и тогда сборник пополнил вдвое. Сейчас я вынужден отказаться от двуязычного издания, на него попросту нет денег. Но в Интернете я выложу всё...»

Содержание

Уйдём-уедем (дайна)	10
Антанас Страздас	14
Вот и солнце	14
Юргис Зауэрвейнас	17
Мы литвинами рождены	17
Юлюс Анусавичюс	19
Кто сердце растерзанное исцелит (фрагменты)	19
Антанас Венажиндис	21
Песня старой девки	21
«Как ты красив, ты красив, дальний ночной небосвод!...»	23
Винцас Кудирка	24
Народная песнь (по мотивам)	24
Майронис	26
На озере Друкше	26
Йонас Мачис-Кекштас	28
В трудный час	28
Юргис Батрушайтис	31
Шелест полевицы	31
Пранас Вайчайтис	32
«Я думал: коснусь налитых изумрудин...»	32
Винцас Стонис	33
Летний вечер	33

Винчас Миколайтис-Путинас	35
Беззвучье и мрак	35
Казис Бинкис	37
«Ворчит профессура, путаясь в поводах...»	37
Юлюс Янонис	39
Зимой	39
Балис Сруога	41
«Рута у дома. В лугу полевица...»	41
Из цикла «Гимны в честь гостыи лазурной»	42
«Сумерки светятся, падая...»	42
Саломея Нерис	44
«Сосны и пена, как снег...»	44
Лето пролетело	46
«Ближе, ближе... С острых крыш...»	47
«Дни красны и скоры...»	48
Антанас Мишкинис	49
Наш роман	49
Стасис Англицкис	51
Утро	51
Бернардас Бразджёнис	52
Взываю	52
Моления наши	54
Костас Корсакас	55
Сибирская берёзка	55
Генрикас Радаускас	56
Собачьи пересуды	56

Барышне, которой нет	58
Начальник станции	59
Рождение песни	60
Дождь	61
Утерянный рай	62
Времена года	63
Механический ангел	64
Прекрасный день	65
Сон	66
Лист	67
Офелия	68
Альбинас Жукаускас	70
Они прекрасны, но непостоянны	70
Казис Брадунас	74
Усадьбы	74
По пути	75
На праздник	76
Был нетерпеливым Одиссей	77
Наклонись	78
Эдуардас Межелайтис	79
Человещность	79
Подснежник	80
Осколки сердец	81
Бактерии осени	83
Паулюс Ширвис	84
«Не смотри...»	84

Осколки	86
Витаутас Мачернис	88
«Человек! Так медленно утро...»	88
«Маленький народ с великим словарём!..»	89
Альфонсас Малдонис	90
«Ты все моления утолил...»	90
Мгновенье	92
В краю больших ночей	93
Цельность	95
Последние вьюги	97
Бездомная рожь	98
Альгимантас Балтакис	100
Из цикла «Анеле»	100
5. «Гуляет с каждым...»	100
6. «Целые сутки...»	101
Тринадцатый месяц	102
Конец ознакомительного фрагмента.	103

В начале – муравей.
Поэты Литвы в переводах
Георгия Ефремова

© Ефремов Г.А., 2012

* * *

Спасибо тем, кто помогал и помогает издавать серию

LITTERA

(привожу их сетевые псевдонимы):

ng68 · sulerin · vitum

В оформлении использован рисунок Леонардаса Гутаускаса.

Памяти Йонаса Стрелкунаса

Эта книжка придумана Юозасом Будрайтисом в 1999 году. С той поры она отлёживалась поначалу у меня в голове, потом – в ящике письменного стола, потом – в электронной папке компьютера. Немота в каком-то смысле шла ей на пользу – знаки и звуки выверялись и заменялись менее блёклыми, структура делалась жёстче. В какой-то момент возникла идея снабдить все тексты литовскими оригиналами – и тогда сборник пополнил вдвое. Сейчас я вынужден отказаться от двуязычного издания, на него попросту нет денег. Но в Интернете я выложу всё.

Время шло, книга хорошела в заточении и даже стала забывать о том, что где-то есть свет. Но как-то отец, страстный коллекционер литературских автографов, сказал мне: «Ещё немного, и некому станет подписывать эту книжку». Уже нет в живых моего отца, у десяти авторов появилась не только дата рождения. Я понял, что следует поторопиться. И вот с помощью близких и любимых людей мы провожаем эти слова на волю. И я верю, что там – на свободе, на ветру, при свете – снова встретятся мои певчие и крылатые друзья.

Уйдём-уедем (дайна)

Уйдём уедем,
Терпеть не будем —
Тут всё чужое.

Тут хлеб спворен
Из чёрных зёрен —
И мы как солома.

Ветра как вилы,
И нету силы
И нету правды.

Черны дубравы,
Поля суровы —
Ни зги, ни славы.
А только злоба —
Те сторонятся,
А те бранятся.

Малой да старый —
Всяк занят сварой,
И все с ножами.

Разбудят рано,

Отпустят поздно
И смотрят грозно.

Тут сохнут реки,
А человеки
Не понимают.

Колосья сохнут,
Колёса стонут,
Полозья стыннут.

Вчера уныло,
С утра постыло,
Всегда – как было.

И только слёзы:
Помилуй, мати!
Кругом одни тати.

О бедном брате
Всплакни, сестрица,
Когда не спится.

Мне молодому
Нет пути к дому —
И нет покоя.

Тут листья жолкнут
И птицы молкнут,

И люди гибнут.

Тут ядра воют
И пули свищут —
Поживы ищут.

Тут кони плачут
И сабли блещут,
Кровавые реки плещут.

А уйдём уедем
Вдогонку птице
Вдаль от хмельного света.

А там, где будем,
Беду забудем
На долгие лета.

Туда нас кличут
Старцы и девы:
Где же вы, где вы?

Зовут родные
И все соседи:
Где же вы, дети?

Тоскуют братья
И стонут кони
На горном склоне:

– Вы не печальтесь,
Вы возвращайтесь
Из той доли.

– И вы не плачьте,
Сестры и братья,
Нам душу не раньте.

Яры да ямы —
Нам отцы и мамы,
Других не дождёмся.

Осенние птицы —
Вот наши сестрицы,
И те улетают.

Наплаканы плёсы,
Сырая водица.
В них небо глядится.

Антанас Страздас

1760–1833

Вот и солнце

Вот уже и солнце
Прогоняет стужу,
Любое веселье
Просится наружу!

По заре весенней
Светел первопуток,
А настанет осень —
Станет не до шуток!

Пёстрые кукушки
По рощам кукуют,
Во дворах и пущах
Голуби воркуют.

Соловей трепещет
От песни бескрайней.
Радуетя в небе
Жаворонок ранний.

Тетерев по лугу
Рассыпает рокот.
Все на свете птахи
Щебечут как могут.

Сколько их на свете —
Великих и малых!
На поляне россыпь
Росистых фиалок.

Колокольцы светят,
Вдоль тропы мелькая,
А в ограде роза —
Такая хмельная!

И смеётся путник
На подходе к дому,
Он в ответ кивает
Колосу ржаному.

Всякому, кто молод,
Млечный май по нраву.
Ветер овевает
Свежую дубраву.

Те, кто поумнее,
Лишнего не просят,
Господу за ласку

Похвалы возносят.

Ты послал нам, Боже,
Майское веселье —
Вешние забавы
Слаще новоселья!

Юргис Зауэрвейнас 1831–1904

Мы литвинами рождены

Мы литвинами рождены,
Мы литвинами быть должны.
Делу славному с колыбели
До могилы будем верны!

От вод балтийских до башен Вильно
Земля врагами осквернена,
Но храбрецами Литва обильна —
Литвинов гордых родит она.

Идут невзгоды – туча за тучей,
Гроза – громогласнее всех музык;
Пигмеи селятся в злобе жгучей
Искоренить наш древний язык.

Но жив литовец – не будет нем он
И в час урочный сбросит ярём,
Так величавый, могучий Неман
Не умолкает и подо льдом.

Благословенна Литва литвинов!
Родина, не предавайся тоске!
Стой, не колеблясь и страх отринув,
И говори на родном языке!

Пусть недруг ярится, не сознавая,
Что ропот наш – не простая блажь,
Мы клич надежды «Литва родная!»
Помним с рожденья, как «Отче наш».

Тот, кто литовец сердцем и родом,
Не осквернит любимую речь.
Лишь тот спасётся, кто и под гнётом,
Слово живое сумел сберечь.

Мы литвинами рождены,
Мы литвинами быть должны.
Делу славному с колыбели
До могилы будем верны!

Юлюс Анусавичюс

1832–1907

Кто сердце растерзанное исцелит (фрагменты)

Родина милая, ныне твой облик страшен.
Сколько же ты претерпела, земля родная?
Где были сады и сёла в обрамлении пашен, —
Над пепелищем ветер летит, рыдая...

Отчина, благословенны выси твои и недра!
Вам, земляки мои, нету равных на свете, —
Взысканы Господом и обласканы щедро,
Жили вы мирно и были добры, как дети...

Тропку любую, изгородь, каждую крышу,
Девушек юных и старика-соседа —
Я неослабно люблю и ежечасно вижу,
И обращаюсь к ним, и не слышу ответа...

Крест на пригорке, ветер в зелёных кронах,
В облаке яблонь пасечная поляна, —
Край несравненный в очах моих неутолённых!

Память моя, ты – отворённая рана...

Годы вы, годы лихие, болью обильны,
Кровью полны и окурены едким дымом...
Снова людские сердца малы и бессильны,
Души открыты бедствиям неукротимым...

Родина, воля – нету иной награды.
Чтоб вороньё небес не затмило милых,
Встанем за наши сёла, за наши грады,
За братьев, что истлевают в лесных могилах!..

Мы встанем наперекор трусости и унынию
И не уступим ни пяди земли отцовой, —
Храброму не страшны никакие рвы и твердыни,
Ни говор орудий, ни пламя, ни град свинцовый!..

1868

Антанас Венажиндис

1841–1892

Песня старой девки

Ты про это знаешь, Боже:
Нам без мужиков негоже!
Ну а как дожидаться свата —
Ничего-то им не свято!

Помоги, святой Антоний,
Безо всяких церемоний.
Вон соседушка при муже,
Ну а я-то почему же?..

Я уж так тебя молила,
Громче всех тебя хвалила,
Ну а ты не обиходишь —
Женишонка не находишь!

Нынче мужа не добуду —
Завтра вовсе жить не буду.
И на что мне эта доля —
Как берёзке среди поля?

Да, мамашка наша Ева
Твоего не знала гнева,
А увидела Адама —
И случилось много срама.

Я ведь Евиного рода,
Так пошли мне хоть уroda:
Пусть он будет греховодник,
Но по крайности – работник!

Сколько мучиться невесте?
У меня ведь всё на месте
(Тьфу ты, что же я плету!):
Сердце есть, ума немного,
Да, видать, озлила Бога,
Коли мыкаю беду!

«Как ты красив, ты красив, дальний ночной небосвод!..»

Как ты красив, ты красив, дальний ночной небосвод!
Господи, что за тропа в поднебесье ведёт?

Скоро ли, неуязвим для земной тревоги,
Ввысь я уйду за Тобою по звёздной дороге?

Скоро ли, душу мою окрыляя и тело моё леденя,
Вечной короною Ты увенчаешь меня?

Скоро ли я, оказавшись в юдоли загробной,
Лик Твой увижу безоблачный, солнцеподобный?

Скоро ли Ты, Всемогущий, бестрепетною рукой
Сдунешь меня от земли, словно стебель сухой?

Слабый, печальный – я брёл через чёрную пустошь,
Шёл и надеялся: Ты к себе меня вступишь.

Грешного человека, былинку, щепотку золы
В светлом чертоге укрой от мятущейся мглы!

Винцас Кудирка 1858–1899

Народная песнь (по мотивам)

Край возлюбленный, Литва,
Гордый, сердцу милый!
Нас прошедшие века
Наделили силой!

Пусть о чести и добре
Мы не позабудем,
Пусть послужим не себе —
Родине и людям.

Пусть рассеется беда,
Брат обнимет брата,
Утвердятся навсегда
Свобода и правда.

Пусть любовь родной земли
Не покинет сына.
Родина, цветы в веках
Вольна́ и едина!

Майронис 1862–1932

На озере Друкше

Ропщу, хоть это и грешно:
Идти мне было суждено
По жизни одному;
И я плутал, судьбой влеком,
Не зная отзыва ни в ком,
Не нужен никому.

И вдруг в ночи твои слова!
Так светит черная листва,
Слетевшая с высот.
И только плеск весла тяжёл,
А мы вдали от многих зол,
И лодка нас несёт.

В моей руке твоя рука,
И ты глядишь за облака
В глаза самой луне.
И мне светло в моём пути:
В мечтанье, в памяти, в груди

Ты навсегда во мне.

1913

Йонас Мачис-Кекштас 1867–1902

В трудный час

Хотелось мне мир неоглядный любить,
Делиться с другими заботливой силой,
Мечталось мне землю ручьями омыть
Любви милосердной, любви негасимой,

Что жгла мою душу во всякую пору —
В полуденный зной и в полночную стынь...
Не друга обрёл я, но злобную свору
Врагов. И насмешки горчат, как полынь.

Хотелось мне светлые слезы ронять:
Так дерево раненое лесное
Точащейся влаги не может унять
И соком прозрачным исходит весною.

И думалось мне: этой влагою слёзной,
Бегущей из всех опечаленных глаз,
От крови, от гноя, от жижи навозной
Отмоется почва в назначенный час.

Не внемля сомнениям и суеверьям,
Одной торопливой мечтой обуян,
Я грезил, что слажу с таящимся зверем,
Но встретил презренье, укор и обман.

Две капли, как ягоды налитые,
Скатились на землю с пылающих щёк,
Так падают звёзды в долины пустые,
Чтоб вихрь остудил их и ливень иссёк.

Замкнулся я в муке моей огневой,
От мира таился я в кельях укромных —
Так прячется в травах цветов полевой
От рук своевольных, от гроз вероломных.

Но если взовьётся, как пыль по дорогам,
Стенанье селян, иссушенных нуждой,
И во поле взгляд набредёт ненароком
На лица, распаханые бедой, —

Вновь слёзы, крупнее рассветной росы,
Из глаз моих грянут обильно и дробно,
Вновь сердце замрёт в ожиданье грозы
И в тесной груди затрепещет неровно...

Но, вновь окружён темнотою смердящей,
Скрываться я вынужден, словно чумной,
Что вечно идёт непролазною чащей

И отклика ищет у твари лесной...

Тоскою душа моя сокрушена.

Отвергнув ничтожество в ярких личинах,

Я жажду, как отдыха, смертного сна

Среди корневищ и прозрачных песчинок...

1902

Юргис Батрушайтис

1873–1944

Шелест полевицы

Поклонись травинке у тропы и внемли
Тихой полевице, пробившей суглинок, —
И глухому сердцу поведают стебли
О судьбе единой людей и былинки...

Вас отец всеильный взрастил неслучайно:
И соединились в живом цветном чуде
Две равные доли, две земные тайны
Травы полевые и смертные люди...

Тот, кому понятен шёпот полевицы,
Не страшится чёрной вековечной бездны,
Знает: в царстве мира не сыскать границы
Меж землёю пыльной и твердью небесной...

Пранас Вайчайтис 1876–1901

«Я думал: коснусь налитых изумрудин...»

Я думал: коснусь налитых изумрудин,
А тронул росой осыпанный мох,
Я думал: мой путь неизбит и нетруден, —
А к счастью приблизиться так и не смог.
Я страха не ведал и умысла злого,
Не верил, что даль чернотой налита,
Я жаждал посеять заветное слово
В бесплодные слитки сердечного льда.
Над миром грядущие грозы нависли,
Но верю, что в душах, подвластных беде,
Живут благородные чувства и мысли,
Как светлые перлы в глубокой воде.

[1900]

Винцас Стонис

1893–1986

Летний вечер

Гаснущего солнца
Тающий клочок.
Песенку ночную
Пробует сверчок.

Проступают звёзды
Среди редкой тьмы.
Кутаются в дымку
Поле и холмы.

Дремлет у дороги
Пыльная трава;
Ветер побоится
Тронуть дерева.

Звонкие колёса
Укатали прочь:
Скоро всю округу
Укачает ночь.

Винцас Миколайтис-Путинас

1893–1967

Беззвучье и мрак

В доме моём этой ночью беззвучье и мрак,
Дом – как руины святилища – пуст и постыл.
Колокола тишины, леденя, гудят на ветрах.
Жертвенный камень остыл.

Пусть позабыли жрецы об огне алтаря —
Ты погасить одиночество в сердце не мог.
Жди, одинокий: ещё не восстала заря
Грозная, будто клинок.

Звёзды задув, ты бы мчался, не ведая вех.
Пусть и душа остывает во мраке, оцепенев.
Ветры хаоса пусть вырвут из сердца навек
Муку, печаль и гнев.

Море услышишь и пламенный говор гор.
Горький напев оживёт: словно звезда, обуглен.
Жди, одинокий: нескоро зажжётся простор,
Острым клинком разрублен.

Казис Бинкис 1893–1942

«Ворчит профессура, путаясь в поводах...»

Ворчит профессура, путаясь в поводах:
Талантлив местами, но как несерьёзен!
А мне – если честно – повсюду паводок,
И в каждом моём кармане по сотне вёсен.

Выходишь – и кругом наводнение, —
Затоплены все сердечные взгорья.
Словом, такое всеобщее помутнение, —
Что же теперь: дряхлеть и трухляветь с горя?

Столько пенсне и мантий – что делать голому?
У них о любой весне имеется притча.
Тут одному роса окропила голову, —
Он сразу стричься.

А я ненароком, почти незаметно я
Карман или рот приоткрою, —
И вырываются вёсны – орда несметная —

Вся заливая жаркой зелёной кровью.

Поздновато жалеть, и вопить панически,

И взятки совать: весна бескорытна!

Видать, что недуг приключился хронический —

И теперь никуда от него не скрыться...

1923

Юлюс Янонис

1896–1917

Зимой

Рябина в инее с утра —
Как вылита из серебра,
Земля и небо всё белей,
И снег летит по верх полей.

Снега повсюду. Ближний лес
Стоит нахмурен и белес,
И я один иду в лесу —
Нестынущую боль несу.

Я спрашиваю у сосны —
Не далеко ли до весны,
Не скоро ясень и ветла
Дождутся солнца и тепла?

Сугробы всюду. Не могу
Тропинку различить в снегу;
А хлопья белые, легки,
Летят, летят как мотыльки.

Один бреду. И на ветру
В глухом заснеженном бору
Я слушаю угрюмый шум —
И сам спокоен и угрюм.

6. II.1915

Балис Сруога 1896–1947

«Рута у дома. В лугу полевица...»

Рута у дома. В лугу полевица.
Дремлет на солнце девушка в белом.
Зрячие травы. Роса искрится.
Утром недвижимым и онемелым —
Дремлет на солнце девушка в белом,
Вздрагивает на щеке ресница,
Тихо прильнула к руке полевица
Стеблем несмелым.

1917

Из цикла «Гимны в честь гостьи лазурной»

«Сумерки светятся, падая...»

Сумерки светятся, падая,
Как голубые клубки.
Мука взмывает крылатая —
Взмахи, как ночь, глубоки.

Мука является затемно,
Как поджигатель ночной.
Разве рыдать обязательно,
Чтоб ты смирилась со мной?

Сумерки не сберегли меня —
Криком лечу в синеву.
Нежную гостью по имени,
Пьяный от муки, зову.

Крик мой призывный беснуется
Над чернотой бытия, —
Нищая доля-безумица,
Как мне оплакать тебя?

Мука рождается затемно
В жалящем колком огне.
Разве рыдать обязательно,
Чтоб ты ответила мне?

Саломея Нерис

1904–1945

«Сосны и пена, как снег...»

Сосны и пена, как снег.
Даль, синева, белизна.
Лодка и в ней человек.
И на душе тишина.

Колокол плачет в груди.
Колокол стонет в земле.
Я отпускаю – иди.
Пусто в лесной полумгле.

Плыть от любимой земли
Больно и радостно мне.
Солнце погасло вдали.
Сказка мерцает на дне.

Скроют песок и быльё
Скрипку в сосновом бору.
Сгину я – имя твоё
Кто пропоёт на ветру?..

Лето пролетело

Лето отсмеялось, отцвело, умолкло,
Закружили ветры в поле опустелом,
Осень обступила и бормочет в окна:
«Лето пролетело, лето пролетело!..»

Пойте, пойте, ветры, в помертвелом поле
Об осенней доле, о последней боли.
Спойте мне о малом – счастье небывалом —
О последнем солнце, золоте усталом.

1927

«Ближе, ближе... С острых крыш...»

Ближе, ближе... С острых крыш
Прянули грачи.
Там Литва. О чём молчишь
Сердце? Не молчи!

Не даёт идти земля,
Нет пути из мглы,
Белорусские поля
Так тебе милы?..

1944

«Дни красны и скоры...»

Дни красны и скоры.
Чёрен пережной.
Голые просторы
Вспаханы войной.

Сказочно красива
Даль в огне зарниц.
И растёт крапива
Из пустых глазниц.

1943

Антанас Мишкинис

1905–1983

Наш роман

Наш роман завершился успехом:
Ты ушла без причин и помех.
Ты ушла со слезами и смехом,
И со мной только вечер и снег.

Я не всё до копейки истратил:
Эти окна – в морозных цветах,
И стихи из потёртой тетради
Той, где осень и что-то не так.

Ну а ты отпустила поводья,
Весела от любви и вина.
А в глазах у тебя половодье —
Так над лугом вода зелена.

От волос, от одежды и кожи
Веет страстью, и всё как в дыму.
Пусть кого-то пьянит и тревожит
Этот запах. А мне ни к чему.

Та любовь завершилась успехом:
Поднялась и ушла без помех.
Но осталась слезами и смехом,
И цветами, что брошены в снег.

Стасис Англицкис 1905–1999

Утро

Сумерки. Тёмные кроны
Скрыли галдящих ворон.
Солнце торопят вороны —
Солнце бело, как творог.

Вот уже на небе глянец,
Рдеют зарницы кругом —
И по земле, разрумянясь,
Солнце идет босиком

Или плывет, пламенея
Жарче, сильнее и светлей...
Мне это утро нужнее
Огненной вечности всей.

Бернардас Бразджёнис

1907–2002

Взываю

Взываю к потрясённому народу,
Затравленному сворой ГПУ:
Зову избрать незримую дорогу,
Где злым ветрам не оборвать листву.

Зову литовца вместо звучных гимнов
Расслышать сердце в родственной груди,
Чтобы в ночи кромешной не погибнув,
Однажды на рассвете расцвести.

Из тьмы, из мрака разглядите волю,
При свете сердца различите храм,
Рабам оставьте горестную долю! —
Дух пращуров, я вновь взываю к вам.

Зову народ, живой в любом смятенье,
Хранящий свет в растерзанных сердцах,
Прекрасный, как цветение сирени
В бушующих приеманских садах,

Зову крестьян, что даром слов не тратят,
Чья песня тает в тундре и в степи, —
Пускай тайга и мерзлота подхватят:
«Утихни, злоба! гибель, отступи!..»

Набатный гром разбудит миллионы;
Не на столетья воцарилась тьма.
Не на погост зову, не в тюрьмы и загоны, —
Пускай грядущий свет заполнит закрома.

Взываю к вам над чернотой провала
Я, голос деревень и древних крепостей:
Не мстите, чтобы злая кровь не пала
Проклятием на ваших внуков и детей!..

Кричу: «Грядущей жизни недостоин,
Кто устрашится нынешнего дня,
Кто ненависти служит-тот не воин,
Он рыцарь вероломного огня.

Я сонм богов, я покаянный трепет
И свет крещенья, озаривший храм.
Пребудьте вечны и сильны, как солнце в небе!
Дух пращуров, я вновь взываю к вам.»

Моления наши

Все надежды наши, все терзания:
Мы когда-нибудь в родимый дом
От бескрайней стужи мироздания
К очагу знакомому придём.

Лишь о родине моления наши:
Господи, иных не надо нег,
Только отхлебнув из этой чаши,
Сможем успокоиться навек.

Костас Корсакас 1909–1986

Сибирская берёзка

Сирая берёзка,
тонкая как свечка.
Пустота морозна.
Мерзлота извечна.
Задувает ветер
лиственный пламя.
Поле, поле, поле
без конца и края.
И куда ни глянешь —
вправо или влево:
голое пространство,
серое как небо.
И в окне вагона
вид один и тот же —
поле да берёзка,
тонкой свечки тоньше.

1942

Генрикас Радаускас 1910–1970

Собаچی пересуды

Меж телеграфных меркнувших опор
С дороги, как с распахнутой ладони,
Я вижу хуторов бесхитростный набор
На дымчатом осеннем фоне.

За пестротой берёз, за лавой льна
Пастушьи переклики в зарослях пугливых.
Ленивый ливень, как луна,
На конских гривах.

Забыл про дробь рассыпчатую дятел.
Ночная туча как веретено.
Мир очертания утратил.
Темно.

Куда иду – лишь немота и сон там.
Плесканье черных луж. Запретный зов.
И далеко, за горизонтом,
Ночные пересуды псов.

Барышне, которой нет

Она: святой небесный пух
И акварельное дрожанье,
А у меня – спиртовый дух,
И черти (или каторжане).

Она... Она совсем не та —
Не Маргарита, но блондинка.
Невинность, нежность, чистота.
Несовременность поединка.

Живу с газетой. Например:
С Богемией, учётной ставкой,
Трухой сценических премьер,
Самоубийственной удавкой.

Её глаза глядят с полос,
Из нонпарели и петита.
И смех её – белей волос...
Блондинка – но не Маргарита¹.

¹ Героиня Гётевского «Фауста».

Начальник станции

Ни валко, ни шатко
Служа колесу и прогрессу,
Пунцовая шапка
Выходит навстречу экспрессу.

Весь в месиве снега и дыма,
Немыслимый скорый
Проносится мимо
Хрипящей искрящейся сворой.

Начальник, бедней погорельца,
Взирает, нахохливши плечи, —
На два эти рельса,
На злые железные плети.

Не надо провидца, —
Вся жизнь улетает в безвестье.
И в небе кривится
Луна и ветвится созвездье.

С пустого перрона
Посмотришь: ни жарко, ни зябко.
Фонарный желток. И ворона.
Пунцовая шапка.

Рождение песни

Не строю, не вершу великие дела, —
Сижу, а надо мной акация бела,

И ветер облачный в её ветвях ютится,
И вьёт своё гнездо щебечущая птица,

И есть мелодия древесной той тиши:
Прислушивайся к ней и на песке пиши.

Я дудочку беру и песню подбираю,
Играю ветру в тон, и дереву, и краю,

И облако звучит – окраски неземной —
Над песенным холмом, акацией и мной.

Дождь

Дождь на стеклянных тонких ножках
Бежит по саду, тяжелея.
Вся влага – в лепестковых плосках.
Восторженно хрустит аллея.

Над рощей старая берёза
Развесила дырявый купол,
И над водой пучки рогоза
Торчат безрадостнее пугал.

Гром с каждым разом говорливей,
И молнии уже не в ножках.
По всей вселенной скачет ливень
На тоненьких стеклянных ножках.

Утерянный рай

Мы слышим в ночи беспредельной,
Как плачет колодезный ворот,
И этой тоске журавельной
Сердца негасимые вторят.

Вдали разорённой Европы
Мы гарь мировую вбираем.
Но наши просёлки и тропы
Мерцают утерянным раем.

Он с нами повсюду: в Канаде
И в южной хмельной серенаде,
В Каире, в золе и во зле,
В Бомбее, Сиднее, Гранаде,
Везде – на земле и в земле.

Времена года

Весна

От любви соловьиной оглохнув, ручей разрыдался.

Лето

Груша, упавшая с ветки, кузнечика навсегда прервала.

Осень

Листья леса кружатся на ветру, будто безумные белки.

Зима

Даже гений белым по белому живописать не может.

Механический ангел

Механический ангел – не слишком трудная должность:
Молнии направлять, разживаться вином и хлебом,
Глядеть за окном, где пожар перебегает по стенам,
Беседовать с лампами о былых временах.

Механический ангел – не слишком трудная должность:
Раз в столетье подбрасывать пищу химерам на башне,
Двигаться медленно, чтобы металл не звякал,
Озябшие кариатиды укутывать мглой.

Механический ангел – не слишком трудная должность:
Двери замкнуть, не впускать в помещения Гибель,
А если войдёт, указать на спящего брата,
Пусть убедится: души за ним нет.

Прекрасный день

Апельсины и глицинии,
Слёзы южные – лимоны.
Нескончаемые линии,
Неумолчные пилоны.

Время древнее, укромное.
Смерть живую воду пьёт.
Сердце Божие огромное
С неба скатится вот-вот.

На опушке тени веские —
Только шорох, только скрип.
В море облака ловецкие
Рады переплясу рыб.

Кубок подняла Лукреция,
Так наивна и невинна!
И язычница Венеция
Ждёт пророчества – дельфина.

Сон

Слушателей заполняет камнеподобная тьма, словно душу допотопного ящера, вмурованную в глубины геологической эры. Статуи о размере залы гадают по одному лишь голосу, который отдаётся в пространстве, переродившемся в дремлющий слух. Нержавеющие соловьи виснут над их головами в ожидании очереди.

Когда голос начинает вещать о «зоне, где горизонтальные проекции зримых и осязаемых контактных сил разнонаправленны», Вулкан наносит удар пламенной рукой, голос рвётся как нить, зажигаются светильники и светила, соловьи запевают стальными колоратурами на седьмых небесах, и статуи, разбужены светом, принимаются декламировать посреди пространства, неожиданно зрячего:

От молний меркнет адская идея,
Меж интегралов не найти корней,
Но из корней восходит орхидея
И освещает мир огня верней.

Лист

С чёрной ветки, с выси непреклонной
В этот мир слетает лист зелёный.

Пущенный по ветру лёгким богом,
Лист плывёт в сиянии глубоком.

У него и губы, и глаза.
Всё поймём, о чём и знать нельзя:

Погляди, вверху не сыщешь вех.
Будь как лист, хоть ты и человек.

Офелия

В детстве
Я не хотела учиться плавать,
Плакала,
Укусила за руку няню.

Когда принц оттолкнул меня,
Я упала с обрыва
И никогда бы не выбралась,
А теперь —
Плыву на спине
Посреди облаков и трав,
И пою от нечего делать.

Зябкое утро.
Помню слова каменного мыслителя:
Космос движется к мерзлоте,
Бог погибнет от холода.

Как-то ночью пою
И плыву мимо цыганских костров.
Плясуны подбежали
К реке,
Тут же уловили мелодию
И подхватили хором.

Такое течение,
Что никогда не достигну берега.
Уже слышно ревущее море.

Надеюсь, учитель не ошибался:
Земля действительно круглая,
И через много лет,
Украшенная соляными кристаллами,
Я вернусь по воде в Эльсинор.

Если правду сказали цыгане,
Что принц скончался от яда,
Тогда я забуду, что научилась плавать,
И брошусь в реку.

Альбинас Жукаускас 1912–1987

Они прекрасны, но непостоянны

Когда из Каунаса мы вернулись после двух
совместных выступлений
не так уж поздно было:

нас пустили в пригородный ресторан.

– Вы только, – говорят, – ребята,

себя ведите чинно, не шумите!

«Ну вот, – мы оскорбились, – дядя, разве не заметно,
что мы с рассвета ни в одном глазу!»

– Заметно, – отвечает нам привратник.

– Только всё равно

скандалить не годится, нужно отдыхать культурно,
прилично, проще говоря, как подобает...

Приятель спрашивает, сколько у меня в заначке.

– Вообще-то, – отвечаю, – деньги есть.

И если не забудемся —

нам хватит.

По кружке тёмной «Балтики» (для старта)

мы стоя выпили. Потом присели

и приняли покрепче. Под конец

крепчайшего отведали. И вышло
не много и не мало – в самый раз.
И мы тогда вполголоса запели
про шуструю Шилувскую шалунью —
про девицу-красавицу...

Нет слов:

домой идти нам было рановато.
– А знаешь что, любезный, – говорю. —
давай мы к суженой моей заглянем,
она тут рядом, прямо за леском...
А эта суженая, говорю, она ни то,
она ни сё – она как все невесты.
А вот её сестрёнка! Это, брат,
такая фифа – ты увидишь
и весь растаешь...

В Лаздинай мы машину не нашли
(водители, понятно, тоже люди).

И порешили мы пешком протопать
те пять (от силы десять) километров.
Подумаешь, беда! Пока мы обсудили
претензии на псевдоклассицизм в литовской лирике,
пока мы горевали
об истощенье нравственности в людях, —
пришли к реке. Паромщика искали.
Нашли его. Насилу добудились.
Он долго одевался. Рассвело. До той поры
всё шло великолепно. А потом
я вдруг припомнил, что моя невеста

и несравненная (без дураков!) её сестра
лет этак пятьдесят тому назад
(когда отца и мать похоронили) —
домишко продали и всё хозяйство
и отбыли (по слухам) в Катовицы.
Такая, извиняюсь, карусель.

Тут мы с приятелем слегка остолбенели,
и, полагаю, нас легко понять.

Так вот, выходит, каковы невесты,
вот каковы их верность и любовь!

И это – чистота и постоянство?!

Сначала глазки прячет, нежно шепчет:

«ни шагу без тебя, с тобой – на край земли!»

А после, Боже правый, с пылу, с лёту

постройки продаёт, и скот, и утварь – всё бросает
и отправляется (по слухам) в Катовицы!

Ну хоть бы позвонила, написала,
предупредила... Что там говорить!

И ты, спустя всего полсотни лет,
идёшь сквозь ночь, и дождь, и ветер! Зябнешь
на берегу реки! Предвидишь встречу!

А ей – ни холодно, ни жарко: упорхнула!

Сбежала! Укатила! Всё забыла!

Ох, женщины! И мы после всего

Должны в любовь и постоянство верить?

Ну нет, теперь понятна ваша суть!

И лучше так – спустя полсотни лет
промокнуть и продрогнуть, среди ночи
стремнину одолеть, – и поразиться:
чего вы стоите, красавицы-невесты,
вы, скромницы... И какова цена
всей вашей преданности.

Страшные дела!..

Казис Брадунас 1917

Усадьбы

Гляжу с холма вдоль межи —
Темна грозовая вода.
Среди взволнованной ржи
Усадьбы, как в море суда.

С небес прольются моря —
Нестрашно: прочны корабли.
Опущены их якоря
В глубины земли.

По пути

Мы трава под косою судьбины,
Нас умчало вдаль от корней,
От земли, где дремлют руины,
Где она, а не память о ней.

И ослепнув, отыщем путь,
Чтоб у ног её прикорнуть.

На праздник

В час, когда история вслепую
Землю красит кровью пролитой
И сквозь тьму бездонно-вековую
Пробивается росток святой,

Опускаюсь молча на колени
И, с молением о благих вестях,
Убиенных горестные тени
Прячу за собой, как чёрный стяг.

И душа Литвы, крыла раскинув,
Дальней песней осенив меня, —
Обретает силу исполинов,
Восстаёт из пепла и огня.

Был нетерпеливым Одиссеей

Был нетерпеливым Одиссеей
И домой, наперекор Гомеру,
Он, не завершив дороги всей
Возвратился —
мстительный не в меру.

Одиссею
Двадцать лет окольных
Были как проклятие в пути.
Ну а мне, как будто я невольник,
Выпало их больше тридцати.

Одиссеей родимую Итаку
Различил сквозь утренний туман,
А мои глаза привычны к мраку —
Свет мне только в сновиденьях дан.

Одиссеей, ты шёл домой для мщенья
Два десятка лет, побед, обид.
Я не жду, не жажду утешенья —
Ведь хребет всей жизни перебит.

Наклонись

Мой Господь, возлюбленный от века,
Ты с меня – на жалящем ветру —
Благодать живую с человека
Не срывай, как с дерева кору.

Как я – на виду вселенной этой —
Вынесу беду и наготу?
Наклонись за ягодой нагретой —
Я растаю у Тебя во рту.

Эдуардас Межелайтис 1919–1997

Человещность

Вещь, Вещам, Вещами, Вещью,
Для Вещей и о Вещах.
Речь забыли человечью!
Вещь – и только – на плечах!

Даже вящий вещей разум —
Тоже вещь и стоит свеч!
А преграда всем заразам
Гроб – удобнейшая вещь!

Кротость вечная овечья
Нам не слишком помогла.
Вещь – подобие увечья:
В гроб её – и все дела!

Подснежник

подснежник – чернильная синяя точка,
последняя в этом прощальном письме,
а ласточка в форме резного листочка
раскрылась – весна изнутри и извне
во всё проникает, как властная плазма,
и ветка черёмухи никнет, смирясь,
щекочут и ластиятся крылья соблазна:
втоптать эту точку в весеннюю грязь
и фразу продолжить – всё тает во мне,
меняется, точно смола на огне

Осколки сердец

Пусть лагуна милей, голубей и белей
оптимизма – тут кладбище кораблей,

их останки – подобны осколкам сердец:
так инфарктом разорван храбрец и гордец;

словно в крепком спирту или в глыбине льда
динозавров-суда сохранила вода

навсегда, – а отважные корабли
так свободно к невидимой гибели шли:

белый парус верлибра трепали ветра,
а земля отступала – ясна и тверда,

и аорты рвались, – но радист и матрос
отвергали диагноз под именем SOS;

вольным воля, а страх – как докучливый страж.
Это блажь, если жизнь превращается в пляж;

в море нежится некто, изыскан как торт, —
глубь укрыла обрывки снастей и аорт...

Пусть лагуна смелей парадокса, светлей

ренессанса, – тут кладбище кораблей.

Бактерии осени

Назначив Музе rendez-vous,
я лёг под клёнами в траву.

А той порой – там целый рой
бактерий осени сырой.

Я Музу жду – уже готов
букет бесхитростных цветов.

О, Муза, в час, когда придёшь —
меня уже прохватит дрожь.

Как сизый ворон, как изгой
я буду заражён тоской.

Везде – под кожей, под корой —
бациллы осени сырой...

Паулюс Ширвис 1920–1979

«Не смотри...»

Не смотри,
не свети
грустью влажной
в глаза.
Так случилось —
не суди,
грустно какие сказать.

Ты
меня обними,
и пьяней,
и полней,
и кувшин
наклони —
чашу нашу
налей.

Пусть не ты,
всё равно —

что гадать:
нечет-чѐт?
Чашу часа
испей,
а не то
утечѐт...

Утечѐт?
Утекла
Та минута
Седа
Как и ты,
Как и я —
Навсегда,
Навсегда.

А у самой
Воды
Губ
Дрожащая нить:
Как и я,
Как и ты —
Чашу часа
Испить.

Осколки

Налетают ветра,
Задувают звезду...
До зари, до утра
Пляшет свадьба в саду.

Ты сидишь у стола.
Ночь бела и хмельна.
Но полна и цела
Чья-то чаша одна.

Только всем невдомёк, —
Кто, невидим никем,
Одинок, одинок,
И печален, и нем?..

Ночь хмельна и бела...
Он пришёл, нелюдим,
И любви, и тепла
Пожелать молодым.

– Уж таков мой удел...
Что текло – утекло...
Кто-то рюмку задел —
Захрустело стекло.

Реют вишни в цвету.
Налетают ветра,
Задувают звезду...
Расставаться пора.

Сдуты ветром одним
Дни мои и твои.
Соберем, сохраним
Хоть осколки любви.

Самый маленький – твой.
А мои – нележки.
Ранят болью живой
Ледяные клинки...

Витаутас Мачернис 1921–1944

«Человек! Так медлительно утро...»

Человек! Так медлительно утро,
Кратки сумерки бытия.
Нарождение – долго и трудно,
И стремительна гибель твоя.

«Маленький народ с великим словарём!..»

Маленький народ с великим словарём!
Как тебе соседи ближние помогут
Неман одолеть: все видят лишь ярём,
А сокровища твои понять не могут?..

Альфонсас Малдонис

1929

«Ты все моления утолил...»

Ты все моления утолил —
И дни бесцветны и пусты.
Кого там высоко, вдали,
Не слушая, услышал ты?..

Чья ласка – невесомей сна —
Тебе становится слышна?
Затем ли, что давным-давно
От шума – в сердце тишина?

К тебе является сюда
Всё то, чего нельзя вернуть?
Что началось Бог весть когда
И кончится когда-нибудь?

Луч, разорвавший пелену,
Тьма, у которой нету дна, —
Неодолимую волну
Рождающая глубина?

Мгновенье

И пастбища пусты, и пашни голы,
Уже доступно взгляду всё кругом.
Последний терпкий мёд уносят пчёлы
В свой восковой многоэтажный дом.

И тишина.
Тепло в пустых просторах.
И тишина.
В пруду вода мутна.
И тишина.
Паучьих нитей шорох.
Косые волны льна.
И тишина.

Сияние скупого небосвода
Дрожит вверху, как запоздалый плод.
Осенняя неясная свобода
Ко всем долинам и откосам льнёт.

Уходим от счастливой жизни летней,
Нам стало тесно и в себе, и в ней.
Благодарю тебя за мёд последний,
Мгновенье светлых юношеских дней.

В краю больших ночей

Уснёт пурга. Метель
Отбросит белый кнут.
И звери лягут в тень.
И птицы отдохнут.
В ночи январский лес,
Как вкопанный, замрёт.
Лишь затрещит плетень
Или озёрный лёд.

А колеи по льду
Уходят в темноту,
И яблоня в снегу
Как будто вся в цвету.
Она бела бела,
Она едва едва
Жива, как имена —
И, как они, мертва.

Не будешь никогда
Нарядней и белей,
Чем ночью, среди льда
В кругу пустых полей,
Под северной звездой —
Холодной и ничьей,
Под яблоней седой

В краю больших ночей.

Цельность

Не выживет никто из нас.
И, значит, временна ущербность.
Минует безмятежный час —
Его ребяческая щедрость.

Простор – неуловимый дым.
Всё новое – сверкнёт и канет.
Но всем, до времени живым,
Оно горит. Горит и манит.

Трава падёт – взойдёт трава.
Умолкнет соловей едва —
Услышишь иволгу с кукушкой,
Увидишь: ястреб над опушкой
Парит, недвижим и велик,
И страшен ястребиный крик.

Всё рядом – немота и пенье,
Зачатье, жертва и забвенье,
Неповторяемый узор...
Трава горит всё горячее —
Желание и отречение
Терзают сердце до сих пор.
И труд, рождённый до меня, —
Священное творенье хлеба,

И мысли – как столбы огня:
Опора для пустого неба.
И вечный поиск нити той,
Что нас роднит верней неволи,
И знание: кровью пролитой
Не погасить всемирной боли...

О птица серая, в тоске
Ты кружишь и о чём-то просишь,
И в чёрном матовом зрачке
Тень и мою несёшь, уносишь.
Ты часть всего – огня и тьмы,
Спокойной мудрости и страсти,
Которую не в силах мы,
Как сердце, поделить на части...

Трава падёт – взойдёт трава.
Умолкнет соловей едва —
Услышишь иволгу с кукушкой,
Увидишь: ястреб над опушкой
Парит, недвижим и велик,
И страшен ястребиный крик.

Последние вьюги

Возле дома во всём величье
Ходит ветер, шурша и кружа.
Мысль укромную – перышко птичье —
Согревает гнездо: душа.

Мускулистому вихрю доверясь,
Зёрна снега летят наугад.
Ледяную земную поверхность
Невесомые иглы скоблят.

И сдаётся земля нагая.
С этой силой попробуй сладь!
И сливается, изнемогая,
С чёрным небом белая гладь.

К небесам обнажённые недра
Прижимаются всё плотней.
Горка снега – в ладони ветра...
Кто назавтра вспомнит о ней?

Бездомная рожь

Ведёшь к тревогам, ранам и утратам...
Закат алей и горячей горнила.
Забытая, сестра безвестным травам —
Ты нас одна в голодный год кормила.

Зачем так много ласки безответной
Нам отдаёшь, неблагодарным чадам, —
К обычной жизни, к смерти незаметной
Готовая на лоскутке песчаном.

Ты подарила нам внимание немое
И на ветру не растеряла веру,
И войны шли, и мор накатывал как море,
И сосны слали семена в иную эру...

О, как бы уберечь тебя от зноя злого
И от пурги укрыть, навеки остывая...
Ты разве не такая же, как наше слово —
Былинка слабая, открытая, сухая?

Мелеющий поток смывает и уносит
Несобственные наши имена и числа,
И у травинки, повстречавшей осень —
Одна вселенная, одна отчизна.

И слово, неподвластное ни гунну и ни готу, —
Его не выпросишь и не отнимешь силой.
Земля, вбирающая дождевую воду,
Всё сбережёт во тьме, сырой и стылой.

И всё с такой же незаметной болью,
С такой же волей, но ещё упорней,
На том же месте, словно сам собою,
Росток пробьётся из того же корня.

А ты меня зови бездомным братом
И уводи в огромный алый вечер, —
Сестра лесным волнующимся травам,
Кормилица негромкой нашей речи.

1982

Альгимантас Балтакис

1930

Из цикла «Анеле»

5. «Гуляет с каждым...»

Гуляет с каждым, дразнится,
Мол, ей какая разница.
И я грожу впустую:
«Ещё увижу – вздую!»

Она и в платье мятом
Под стать любой царевне.
«Тебя же чуть не матом
Песочат на деревне!»

Она не прячет взгляда.
Красивая, паскуда!
«Не нравится – не надо.
Тогда гуляй отсюда».

И, косы расплетая,

Идёт к постели прямо.
Красива, как святая, —
А ни стыда, ни срама.

6. «Целые сутки...»

Целые сутки
Кричали утки.
И я наблюдал
За длинным
За журавлиным
Клином.

Эй, молодо-зелено!
Вам, травы,
Шуметь не велено!

Сок с берёзы —
Весенние слёзы...

Эй, и ты тоже?
Плакать не гоже!
Мы тихо следим
За длинным
За журавлиным
Клином.

Тринадцатый месяц

Так сладко и просто, что в это не очень-то верю.
Неповторимое утро нам отдано просто – за так.
Нынче распахнуты настежь сердца и двери,
Но – ненадолго. А после – закат.

Что ж вы молчали? Я бы не тратил напропалую
Хрупких сокровищ, которых уже не верну.
На миг – эти губы, открытые первому поцелую.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.